

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • КУЛЬТУРА

Не дай бог, кого-нибудь разбудят...

Испуганный юбилей: почему 200 лет декабристов рассматривали с точки зрения «иноагентства» и пенитенциарной системы

Выставка «Декабристы: Люди и судьбы». Фото: Елена Панфилова / «Новая газета»

10:07, 15 декабря 2025,

Елена Панфилова

обозреватель «Новой газеты»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Казалось бы, при всей любви властей современной России к бурному, широкому празднованию всевозможных юбилеев, особенно исторических, эту возможность просто невозможно было упустить. Только представьте: световые панно с Трубецким и Муравьевым-Апостолом на центральных площадях, повсеместные баннеры с семьей Волконских, символизирующими вдобавок ко всему еще и традиционные ценности, что-нибудь грустно-возвышенное про Пестеля и Рылеева по всем каналам, торжественные заседания и симпозиумы, биеннале и, может, даже мюзиклы...

Но президентские указы обеспечить празднование 250-летних юбилеев Сыктывкара и Тамбовского наместничества есть, а про какое-то организованное празднование 200-летия восстания декабристов ничего такого же уровня нет.

Хотя, нельзя сказать, что про юбилей этот полностью забыли. Вовсе нет. Тут и там он весь год, а особенно ближе к его концу все же временами возникает, но в таком контексте и обрамлении, в таких трактовках, которые совсем не похожи на то, как праздновался юбилей предыдущий, пятьдесят лет назад.

Тогда было издано множество монографий и научно-популярных книг, в том числе региональных, которые по полной программе романтизировали декабристов как героев войны 1812 года, офицеров и носителей дворянской чести. Вершиной создания такого романтического образа стал выход приуроченного к тому юбилею фильма «Звезда пленительного счастья», ставшего мегапопулярным. Само собой, ничего удивительного в том, что советская власть прямо начиная с первого круглого юбилея в 1925 году всеми силами превозносила и праздновала декабристов, не было. Мы все хорошо помним: «декабристы разбудили Герцена...» и так далее.

Учитывая увлечение нынешней власти всем историческим, можно было предположить, что с декабристов стряхнут как раз все это излишне революционное, да и то без особого усилия, чтобы не рушить сложившийся образ, и заметное празднование обеспечат.

Но оно получается явно не большим, не сильно заметным и не вполне как бы даже празднованием. Скорее попыткой, воспользовавшись случаем, по-новому расставить акценты в восприятии того, кем были декабристы. Но даже это сделать так, чтобы оно не особо отсвечивало для широкой публики.

Ничем иным нельзя объяснить то, что главная юбилейная выставка «Декабристы. Люди и судьбы» расположилась в отнюдь не самом центральном из столичных музеев — в Государственном музее А.С. Пушкина, на его цокольном этаже, заняв три зала.

Первый из них подробнейшим образом рассказывает о том, кем были декабристы, как жили, что читали, с кем дружили и служили: с интерьерами, портретами и гравюрами.

Второй, самый маленький из трех, зал посвящен собственно восстанию. Вернее, всему, что относится к самому дню 14 декабря, но без особых, излишних подробностей о событиях на Сенатской площади. Безусловным центром и находкой этой части экспозиции является большая зеркальная стена с портретами пяти казненных декабристов, расчерченная мрачной деревянной, вполне виселичной конструкцией. И с внезапным портретом Пушкина, который как будто через замерзшее стекло испуганно смотрит не столько на повешенных друзей-декабристов, сколько в сегодняшний день.

Любой посетитель, глядя на понесших жестокое наказание смутьянов, видит рядом с ними и себя. Намек? Предупреждение? Ощущается, как и то и другое вместе.

Выставка «Декабристы: Люди и судьбы». Фото: Елена Панфилова / «Новая газета»

Самый большой, третий зал детально рассказывает про суды, про приговоры, а потом и про каторгу и долгую жизнь в Сибири с семьями и без. Про то, как переносили многолетнее наказание, как работали, как и там придумывали что-то новое, как обустраивали жизнь вокруг себя. Все детально и подробно. И бесконечно печально, особенно в темном интерьере с приглушенным светом.

Любопытно, что изрядное место в экспозиции отведено

детальному описанию судьбы Николая Тургенева, тому, как и почему он оказался за границей, и тому, как Англия не выдавала его для суда на родине. Даже британский министр Джордж Каннинг, отказавший представителям царя в его выдаче, удостоился и портрета, и отдельного упоминания.

Нельзя сказать, чтобы посетителей, которых, к слову, на выставке довольно приличное количество, эта довольно нарочитая инсталляция про иностранное влияние как-то особо привлекает. Они с куда большим интересом разглядывают редкие архивные документы с рецептами, записанными рукой Трубецкого, или, например, письма Жуковского.

Историографической стороне юбилея посвящена Всероссийская научная конференция «Декабристы: 200 лет спустя (1825–2025)», организованная Санкт-Петербургским институтом истории РАН и Государственным Эрмитажем. На ней видные российские историки в своем кругу с привлечением некоторого количества зарубежных коллег сфокусировали свое внимание как на общих вопросах исследования декабристского восстания, так и на таких специальных и весьма любопытных темах, как «Планы цареубийства в восстании 14 декабря: тактика и идеология», «Петербургский заговор декабристов и события 14 декабря 1825 г.: непроясненные и малоизученные вопросы», «Солдатский актив военного заговора 1825 г. и выступления декабристов в Петербурге». Вот это кажется особенно любопытным в современном контексте.

Но не таким, наверное, интересным, как выступление министра юстиции России Константина Чуйченко на организованной его министерством научно-практической конференции «200 лет со дня восстания декабристов: уроки прошлого для настоящего».

Константин Чуйченко. Фото: Алексей Смагин / ТАСС

Прямо скажем, министр не первый раз обращается к теме декабристов. На прошедшем Петербургском международном юридическом форуме он уже рассуждал о наследии декабристов, сделав тогда упор на неуместности западных моделей развития в российском контексте. Теперь же он развел и углубил эту мысль, сделав три важных вывода.

Первый о том, что восстание декабристов «это — не прогресс, это — регресс», второй о том, что главнейший урок 1825 года заключается в том, что государство должно быть сильным и уметь себя защищать. И третий — снова про вред «западного революционного воздуха», которым надышались декабристы, а заодно и западного образования, а также моды на все «революционное». И нет, по его мнению, декабристы не были иностранными агентами в современном смысле этого словосочетания, ибо «не были они объектами иностранного влияния, а были субъектами». То есть, в нынешних терминах, были кем-то средним между иноагентами и «нежелательными

организациями». Так или иначе вредителями.

И этот выбор фокуса не столько на предпосылках и смыслах, сколько на правовых последствиях восстания декабристов, незримо определяет тональность всего юбилея в его официальном оформлении.

Вот Президентская библиотека приглашает отметить его двухсотлетие, обратив внимание на «официальные документы следствия и суда над участниками восстания, проекты планировавшихся ими преобразований... списки подсудимых, печатные и рукописные перечни вариантов назначений наказаний за преступления...», представленные в ее коллекции.

А вот директор ФСИН России Аркадий Гостев на открытии выставки про декабристов (тоже в том же Минюсте) решил весьма резко ответить на предложение депутатов Госдумы по созданию специальных тюрем для экстремистов и террористов, сославшись на очевидно негативный опыт Николая I, который после восстания решил поместить подозреваемых в общие казематы. Почему негативный? Да потому, что смутьяны при совместном содержании в застенках неизбежно сплачиваются и начинают поддерживать друг друга, как об этом, собственно, и писал в свое время Бестужев, а это несет «значительные риски — риски объединения, единения и концентрации в одном месте таких лиц». Вот этот, весьма специальный урок из истории вынесен и твердо заучен.

Выставка «Декабристы: Люди и судьбы». Фото: Елена Панфилова / «Новая газета»

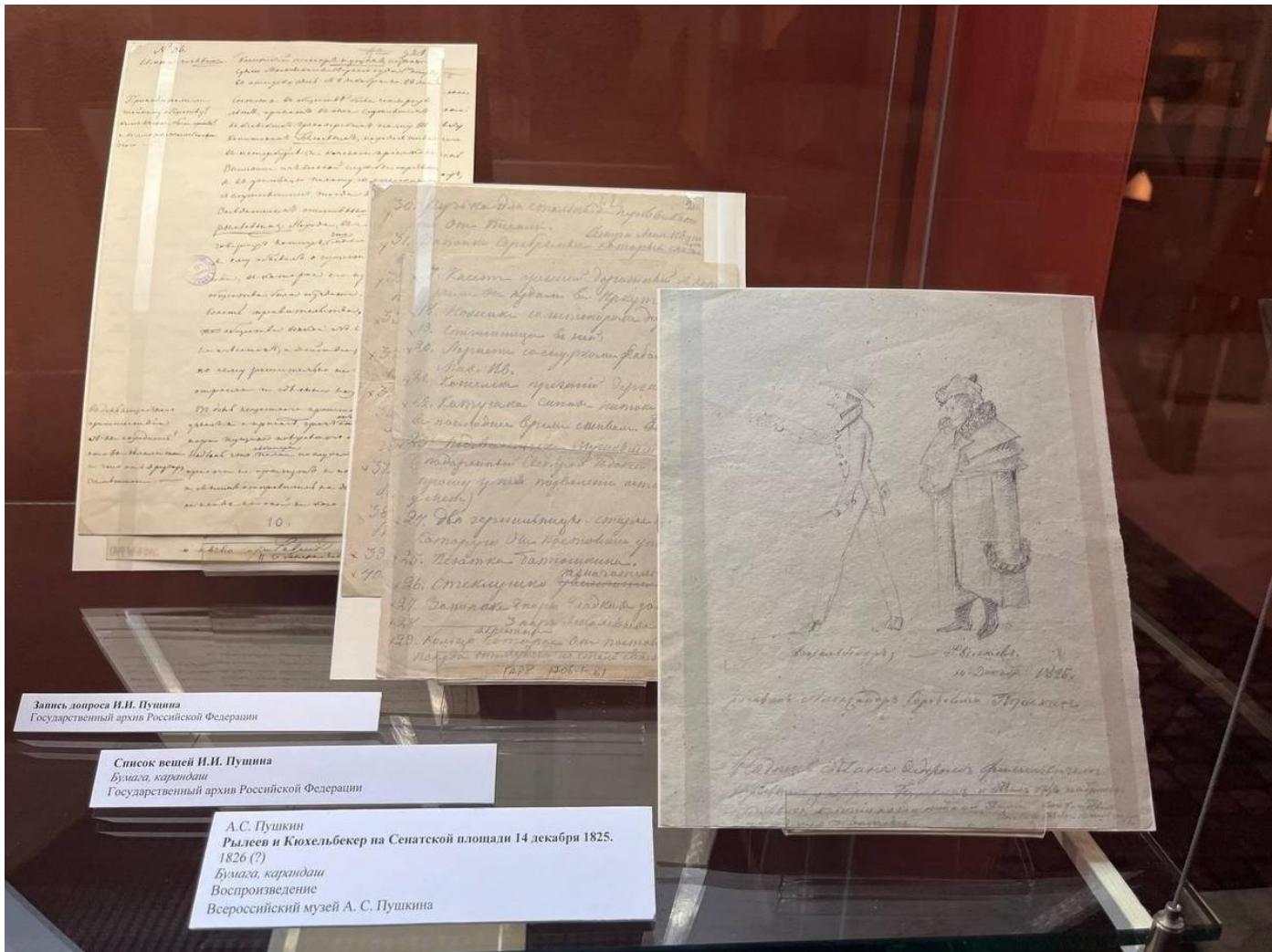
Пока же специалисты потихоньку обсуждали все эти узко профессиональные аспекты осмысления декабристского наследия, широкой общественности под юбилей решили все же показать сериал «Союз Спасения», который был снят в 2021 году как развернутая версия одноименного фильма, с успехом прошедшего по экранам страны за пару лет до этого.

Показать со второй попытки. Первый раз премьерный показ случился в октябре 2022 года на платформе онлайн-кинотеатра Kion. Но был прерван после первых четырех серий. Если вспомнить, какие события тогда происходили в зоне СВО и вокруг неё, особенно с участием таких фигур, как Евгений Пригожин, совсем не удивительно, что показ прекратили, а сериал до поры положили на полку. Как совершенно не удивительно и то, что при нынешнем показе на Первом канале он лишился второй части своего изначального названия «Союз

Спасения. Время гнева».

Потому что не должно быть никакого гнева. Какой такой гнев? И никакого излишнего взвеличивания и романтизации участников событий двухсотлетней давности не должно быть.

Должен быть лишь рассказ про то, что, да, была вот такая история, да и то была она вон с каким количеством вопросов к ее участникам. Которых не надо каждого по отдельности особо выпячивать и описывать чрезмерно. Потому что может начать слишком бросаться в глаза то, что сказал о себе и своих товарищах-декабристах Муравьев-Апостол: «Мы были дети 1812 года». Участники и порождения войны, без которой никакой Сенатской площади не случилось бы в принципе.

Выставка «Декабристы: Люди и судьбы». Фото: Елена Панфилова / «Новая газета»

Судите сами. Павел Пестель — полковник, кавалер шести орденов, участник Бородинской битвы, дошедший до Франции, казнен. Сергей Муравьев-Апостол — подполковник, участник переправы на Березине и взятия Парижа, казнен. Князь Сергей Трубецкой — полковник, кавалер многих орденов, участник Бородинского сражения, сражений под Кульмом и Лейпцигом, приговорен к пожизненной каторге. Матвей Муравьев-Апостол — подполковник, за храбрость, проявленную в Бородинском сражении, награжден Георгиевским крестом, участник сражений за Кульм, Лейпциг и Париж, приговорен к каторге на 20 лет. Никита Муравьев — капитан, участник сражений за Лейпциг, Дрезден и Париж, приговорен к каторге на 20 лет. Князь Сергей Волконский — единственный генерал среди декабристов, участник партизанских отрядов и сражений при Березине, Лейпциге и Лаоне, осужден на 20 лет каторги. И так далее по списку.

Вот и выходит, что если немного сменить фокус, то восстание декабристов можно было бы в эти юбилейные дни трактовать не по Ленину, когда все по цепочке будят друг друга, и не по Чуйченко и Ко, где заблудшие прозападные смутьяны пытались навязать стране ненужное, а как отчасти неизбежное выступление против сложившегося вокруг них положения дел молодых героических офицеров, у которых за время участия в военных действиях и зарубежных походах возникли «мысли».

Как пишут специалисты по военной психологии, «участие в боевых действиях вызывает закономерные изменения ценностно-смысловой сферы, актуализирует проблему смысла жизни и смерти», заставляет задаваться вопросами о причинах происходящего и о справедливости. Как пишут о заграничных походах историки, «офицерский состав армии за время пребывания за границей привык интересоваться политической стороной жизни и эту привычку перенес и к себе на родину». Добавим сюда то, что у офицеров, как правило, имеется в наличии зачастую весьма неплохое образование, и получается гремучая смесь. Которая в современной российской ситуации должна быть максимально затушевана, растворена в иных смыслах, определяющих то, как из сегодняшнего дня должны выглядеть декабристы. Что, по большому счету, и происходит.

Интересно, что в новостях про нынешние военные сражения мы не особо-то и видим нынешних офицеров, лейтенантов и капитанов. Там все больше штурмовики — рядовые и сержанты плюс бодро рапортующие генералы. Порой появится подполковник-другой среди отобранных для программы «Время героев» или мелькнет на награждении молодой капитан. А так особо никого на слуху и нет.

Но они где-то вполне массово есть. И набираются своих собственных опыта и мыслей.

Возможно,

поэтому у декабристов и нет в этом декабре громкого юбилея. Чтобы не возникало ненужных аналогий, чтобы не возникали лишние параллели, чтобы ни в коем случае никакие лишние мысли не мелькнули и чтобы никто сам от таких возможных мыслей не проснулся, не говоря о том, чтобы кого-то еще и будить.

Как там было у того Герцена? «14 декабря открыло новую фазу нашему политическому воспитанию, эти люди разбудили душу у нового поколения...» Вот совершенно лишнее это, души и поколения должны спать. И если о чем-то 14 декабря вспоминать, то только о казематах, бесконечных присужденных сроках и «неуместности западных моделей».

Неброский, почти не случившийся юбилей декабристов неожиданно оказался не столько, собственно, про них, сколько снова про страхи. В этот раз про страхи тех во властных кабинетах, кто как раз неплохо помнит, сколько было на Сенатской площади орденоносных ветеранов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Век наш пробует нас»](#)

Почему 14 декабря 1825 года остается незабываемой датой нашей истории. Беседа с Тамарой Эйдельман*

14:50, 13 декабря 2025, Ольга Тимофеева

День быстрого бога

Восстанию декабристов – 200 лет

13:01, 13 декабря 2025, Елена Бердникова